

Александр Прошкин

Интервью

(фрагменты)

Радиостанция «Эхо Москвы», 29 Январь 2007

<http://www.echo.msk.ru/programs/success/49214/index.phtml>

Ведущие: Ксения Ларина

Гости: Александр Прошкин, режиссер телесериала "Доктор Живаго", удостоенного премии "Золотой Орел" в номинации "лучший телесериал года", фильмы "Михайло Ломоносов", "Русский бунт", "Холодное лето 53-го года".

<...>

А. ПРОШКИН: Вы знаете, это вообще, так сказать, главная русская тема. <Тема совести и социальной ответственности.—Н.П.>Это, в сущности, некий ген русской интеллигенции, всегда чувствовать свою вину, в том, что происходит вокруг. И собственно на этом и построена роль Живаго. Человека, который, в общем, ни в чем не замешан, и ничего предосудительного не сделал ни в ту сторону, ни в другую, чувствует свою ответственность, чувствует свою вину и уходит из каких бы то ни было активных проявлений жизни уходит в замкнутую сферу творчества, которая никому не публикуется, не показывается, просто остаются вот такие тетрадки от него. Это, конечно, не универсальный ход, не универсальный выход, что ли, в жизни. Но вот чувство личной причастности и ответственности, мне кажется, вообще как бы основа все-таки интеллигента – это совесть. И если рядом кто-то мучается, если происходят какие-то грандиозные события, которые просто переворачивают жизнь целого народа, то невозможно не отзываться на это. И эту боль не чувствовать.

К. ЛАРИНА: Ну, а за кого вот переживать, опять же вспоминая "Доктора Живаго"? Ведь народные проявления человеческой души, они чудовищные в изложении Бориса Пастернака.

А. ПРОШКИН: Это не так все просто. Борис Леонидович Пастернак прошел очень долгий путь в этом смысле. И в романе этот путь очень четко прослеживается. Скажем, весь этот дом Громыко чрезвычайно был настроен, они скорее были народники.

К. ЛАРИНА: Это их и погубило.

А. ПРОШКИН: И заканчивается тем, что господин Громыко пишет разгромную статью именно по поводу русского народа и уезжает на философском пароходе. А просто понятие "народ" – это такое мифологическое понятие. Народ же состоит из огромного количества людей совершенно разных, и разных слоев. Просто в разные периоды жизни доминирует один слой, или другой слой. Во времена какой-то ясной, стабильной, нормальной жизни всегда доминирует творческое начало, т.е. делатель, пахарь, человек-созидатель. Но это не означает, что в это же время не существует довольно значительный слой разрушителей, бездельников, людей, которые хотят все там поджечь, отнять, разделить. Просто сама ситуация не дает для них, не дает им повода, не дает им возможности. А вот эти революционные катаклизмы, они в первую очередь, особенно гражданская война, они как раз уничтожают вот этого пахаря и делателя с двух сторон. И не важно, красные они или белые. Они с двух сторон погибают. В первую очередь погибает герой, т.е. цвет нации, генетический фонд, в этом смысле, конечно же, народ деформируется. Я считаю, что наш народ действительно великий народ. Действительно великий, потому что пережить 20 век и сплошные катастрофы, драмы, затяжную гражданскую войну, которая, с моей точки зрения, в нашем сознании не окончилась и по сей день. Это может только очень могучий народ. И каждый раз возрождаться практически почти из пепла. Это нужно быть очень даровитым и талантливym народом, и народом с какой-то невероятной духовной мощью.

К. ЛАРИНА: Но, тем не менее, даже если мы говорим о 20 веке, и плавно переходя в 21-й, почему-то народ в большинстве своем всегда очень легко поддается на искушения подлецов. А совсем не наоборот. Идет на поводу именно у личностей достаточно мрачных.

А. ПРОШКИН: Ну, что значит "идет на поводу"? Он, может быть, и не шел бы на поводу. И очень часто не шел на поводу и сопротивлялся. И все эти крестьянские восстания, все это было. И народ проявлял, а казаки, которые боролись за себя практически до последнего? Нет, нельзя говорить, что народ легко поддавался.

К. ЛАРИНА: Но большинство же поддерживали. Слезами умывалось 5 марта 1953 года.

А. ПРОШКИН: Значит, это очень мощная, хитрая, сильная и умелая власть, которая умело манипулировала сознанием и прекрасно понимая национальную специфику, национальную ментальность. Знала, на что нажимать.

К. ЛАРИНА: Ну, вот, кстати, если говорить об истории, Вашем отношении к истории. Вы скорее фаталист, или все-таки есть вещи, которые Вы можете объяснить с научной точки зрения? Что происходит с родиной?

А. ПРОШКИН: Каждый раз пытаюсь ответить на этот вопрос. И закончив одну картину, начинаю отвечать на этот же вопрос другой, вот, скажем, "Русский бунт". Это история пугачевского бунта. И я пытался понять природу этого бунта. И что это за явление такое Пугачев. И я пришел к какому-то своему выводу, что все это носит несколько такой карнавальный характер, где обязательно должна была появиться фигура мощного актера. Это был Пугачев. Это человек ничтожный в собственном смысле. Но в ролевой ситуации он поднимается до невероятных высот. А роль всегда требует эффекта, да, эффектных реприз. Какие репризы в этом театре? Кровавые репризы. Все эти казни бесконечные безумные, кровавые вылазки, за 4 часа утопил 4000 человек в Казанке. Занял Казань. Разграбил церкви, монастыри, все там уничтожил, утопил людей и бросил. Эффектно. Понимаете, это такой кровавый театр. Я думаю, что это свойство не только нашего народа, это вообще природа разрушительной стихии. Мы падки на нее. Исторически, наверное, объяснимо. И крепостное право, которое деформировало национальное самосознание. Отсюда у нас привычка, если можно, не работать, то не работать. Лучше бы не работать. Потому что труд подневольный.

К. ЛАРИНА: Хорошо бы еще, чтоб все поделить.

А. ПРОШКИН: Но в то же время потрясающий народ. Я не могу забыть, когда снимал Ломоносова, я жил на Мезене в деревне, в доме мужичка. У него было три дома. Он жил один со своей женой, лет ему было за 70. Строил, заканчивал потрясающий третий дом. Я говорю: а зачем тебе вот третий дом? А он говорит: если я остановлюсь, так я помру. И вот этот маленький человек полтора метра ростом с топором не расставался. Он все время что-то делал. Вот это невероятное, созидательное начало, это тоже свойство нашего

народа. И народный гений действительно, русские, которые сейчас заполнили все американские университеты.

К. ЛАРИНА: Ужасно, что они все там в итоге оказываются.

А. ПРОШКИН: Это ужасно. Но они русские. У них талант к аналитическому мышлению. Это чувственное начало, которое создало величайшую культуру, которая оплодотворила, в общем, все искусство 20-го века. Русская культура.

<...>

К. ЛАРИНА: В сегодняшнее время я возвращаюсь к народной теме.

А. ПРОШКИН: Это очень опасная тема, как только произносишь слово "народ", тебя начинают ненавидеть то с той стороны, то с этой стороны.

К. ЛАРИНА: Нет, народ разный. Но почему-то люмпенов оказывается всегда больше. Которые сегодня, на мой взгляд, может быть, на меня тоже полетят плевки со всех сторон, сегодня определяют, в том числе, и уровень общественного сознания. Они задают тон, и уровень культуры. Если это можно назвать культурой. Они определяют моду. На их мнение ориентируется телевидение. На их мнение ориентируется мейнстрим.

А. ПРОШКИН: Вы кого имеете в виду?

К. ЛАРИНА: Кто ориентируется? Люмпингов?

А. ПРОШКИН: Кто как бы задает тон-то?

К. ЛАРИНА: Большинство.

А. ПРОШКИН: Вы знаете, я сейчас буду снимать в Нижегородской области, через пару дней опять туда поеду. И каждый раз, когда я возвращаюсь оттуда, и подъезжаю на поезде к Москве, у меня просто болит сердце, мне стыдно за то, что мы сделали с крестьянством...

К. ЛАРИНА: А оно есть вообще?

А. ПРОШКИН: Как Вам сказать? Скорее, нет. Потому что эти люди уже не крестьяне. Поля заросли. Я снимаю в фантастической красоты старообрядческих деревнях. Гигантские дома, где Вы встанете, поднимите руку, и не достаете до окна.

К. ЛАРИНА: Они еще сохранились?

А. ПРОШКИН: Они сохранились. Но они погибают. Там на три разрушенных дома один остался целый. Людям делать совершенно нечего. Никаких колхозов не существует, поля уже заросли березами в 10-15 метров. Работы у них нет никакой. Значит, приспособились переродились в пролетариат, т.е. рубят лес, который принадлежит господам из Москвы. Все раскуплено. Лесные участки.

К. ЛАРИНА: Т.е. все частное?

А. ПРОШКИН: Это все частное, принадлежит весьма даже известным лицам в Москве. Мне стыдно смотреть в глаза этим людям. Нищета невероятная. Доброта невероятная. Приезжает 2 раза в неделю автолавка, привозит спирт и хлеб. У них и денег на большее нет, да и ничего им больше и не нужно.

К. ЛАРИНА: Все старики, наверное?

А. ПРОШКИН: Нет.

К. ЛАРИНА: Т.е. есть еще люди работоспособного возраста?

А. ПРОШКИН: Встречается мужиков лет под 40, они выглядят на 70.

К. ЛАРИНА: Пьют?

А. ПРОШКИН: Да, они пьют, но они пьют, понимаете, от абсолютной безнадежности. Каждый раз они говорят: «Ну, Вы там в Москве скажите, что мы еще живем. Что на нас тоже нужно обратить внимание».

<...>

А. ПРОШКИН: Нет, у меня большой проект <сценарий фильма «Живи и помни» по повести В.Распутина.—Н.П.>, который я много лет хочу поставить, но я не могу на него получить бюджет. Это очень дорогостоящий исторический фильм. И вот то, о чем я рассказывал о нижегородских своих странствиях, мне какое-то время колебался, но когда я поехал и увидел все своими глазами, мне так пронзительно жалко стало этих людей и так стыдно. И мне кажется, что это сегодня, эта картина не столько о 45-м годе, сколько вообще об этих людях, которые на наших глазах практически исчезают. Это все равно, что старики, которых мы бросаем, предаем, забываем могилы. Это страшное преступление. Я обратился как-то к одному весьма влиятельному телевизионному деятелю, я сказал: «Вы такой прогрессивный, сильный, мощный человек. У Вас такая трибуна. Съездите, сделайте репортаж, покажите, как живут эти люди. Это так же страшно, как Чечня. Там никто не стреляет, но это так же страшно. Это нищета, вырождение, голод. И главное, ощущение безнадежности. Да, у них стоят телевизоры. У кого старенький черно-белый, у кого цветной...

К. ЛАРИНА: И ловится, наверное, один канал.

А. ПРОШКИН: Я даже не знаю, что они там ловят. Но этот гламур, который насаждается...

К. ЛАРИНА: или Петросяна смотрят. Их веселят все время, да? Ужас.

А. ПРОШКИН: Они вообще не очень веселятся. Не очень веселятся. Но то, что они видят на этом экране, настолько далеко от их жизни, настолько их не затрагивает, как и, мне кажется, очень большой процент нашего народонаселения, который приучили, посадили на эту иглу и, значит, они с удовольствием с утра до ночи смотрят, как мочат, убивают, стреляют, предают.

К. ЛАРИНА: Это каким-то образом действуют на него?

А. ПРОШКИН: Вы знаете, действует. Я думаю, что действует. Это называется в медицине барбитураты, вот такие притупляющие средства, притупляющие сознание. Особенно страшно, мне кажется, как это действует на молодежь. Вы переключаете каналы. Во-первых, вот на одном канале, в диалоге слышите "ты козел", переключаете на другой: "нет, ты козел".

К. ЛАРИНА: В лучшем случае.

А. ПРОШКИН: Это уровень диалога. Значит, если едет машина на экране, она обязательно должна приехать, остановиться, закрыться дверь, т.е. показать, какие у нас роскошные машины ездят. Оружие беспрестанное, кровь. Когда людей приучают, что кровь – это развлечение, что оружие – это нормально, это оборачивается тем, что они так к этому и относятся. Говорят: «Почему так много оружия?» Да. Потому что мы их приучили к этому.

К. ЛАРИНА: Ну, подождите. А с другой стороны я не верю, что если заменить всю эту кровавую эстраду, если все это вместе соединить, какими-нибудь высокоинтеллектуальными, высокодуховными передачами, что это будет пользоваться популярностью. Не будут смотреть. Нельзя вместо Петросяна поставить концерт симфонической музыки. Так не бывает.

А. ПРОШКИН: Я думаю, что англичане ничем не умнее нас. И немцы тоже не умнее нас. Но на любом из главных каналов в Германии обязательно будет концерт симфонической музыки. На главных, а не на арт-каналах.

<...>

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Здравствуйте.

А. ПРОШКИН: Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Меня зовут Ольга. У меня к Вам следующий вопрос. Мне очень импонирует Ваша точка зрения, очень глубокие такие мысли. И в то же время я вижу некоторое противоречие. Вот, например, касательно того, что Вы говорите о молодых россиянах, которые учатся в Штатах и в университетах крупных. Предпринимают огромные усилия для того, чтобы изменить свою жизнь, и в то же время Вы говорите, что сделали с крестьянством. А крестьянство имеет какую-то волю? И что в принципе нужно крестьянину, помимо земли и рук, грубо говоря, для того, чтобы обеспечить свое существование. В чем их воля проявляется?

К. ЛАРИНА: Спасибо, Ольга, за вопрос. Пожалуйста, Александр Анатольевич.

А. ПРОШКИН: Вы знаете, крестьянский труд, это же не индивидуальный труд. Сегодня человек сам по себе без того, чтобы в него вложили какие-то деньги, ничего не может сделать. Сам объединиться он не может. Колхоза, этой структуры, которая сгоняла всех, общины, не существует. Поля зарастают. Техники у него нет. Руки у него опускаются. Хорошо, вот раньше лет 10 назад, приезжаешь в каждой деревне 10-15 коров, почти у всех были коровы. Сейчас нам нужно было снять корову с теленком, мы пять деревень объездили, чтобы найти корову с теленком. Почему? Потому что, ну, хорошо, они содержат эту корову, но они не могут это молоко продать. Для этого нужен транспорт. Денег на транспорт у них нет. А транспорт есть, нужны деньги на бензин. Отвезешь это молоко черте куда, у тебя купят его за копейки. Без специальной программы государственной, без внимания, без ответственности элиты ничего не получится. Понимаете, крестьянство, это наши прародители, при советской власти мы генетически были все-таки связаны с этим классом. Мы не отрывались от него. Мои родители из такой вот деревни. А сейчас все говорят: «Я в третьем поколении граф или князь». Все забыли про деревню, и она исчезает на наших глазах. Она исчезает у нас не только как экономический фактор, она у нас исчезает как культурный фактор. Как образ пространства, пространства бесконечно красивого. Вы знаете, как это красиво. Как поразительно построены деревни. В одной деревне фантастической красоты деревянная церковь сожженная. Колокольня сползла. И она сгорела. Это произошло недавно.

К. ЛАРИНА: А кто ее сжег?

А. ПРОШКИН: Ну, я не знаю. Откуда я знаю. Я приехал, увидел, заехал туда на полчаса, не могу исследовать, кто это сжег. Да никто никогда и не скажет, кто сжег.

К. ЛАРИНА: Человек же сжег.

А. ПРОШКИН: Да, но ее сожгли уже в наши времена. Борьбу с церковью, она пережила. А сейчас нет. На съемках фильма «Доктор "Живаго"» мы нашли потрясающий совершенно особняк Шехтелевский под Костромой. Прямо на берегу Волги потрясающее совершенно место. Мы там снимали, меня это зрелище совершенно потрясло. Остатки потолка резного есть. Где-то куски остались, остатки дубового фантастического паркета. Резные двери. Вся эта резьба невероятная. Это за три года особняк, в котором раньше был пионерлагерь,

над которым, конечно детки тоже немножко поизгалялись. Так вот за три года его передали на баланс МВД, с баланса МВД еще куда-то, и местные жители, этот архитектурный памятник уничтожили просто. Растащили все, что там было.

К. ЛАРИНА: Пожалуйста, тоже народ.

А. ПРОШКИН: Да. И это тот народ, который живет рядом. Мы когда там снимали, вдруг у нас исчез весь грим. Просто украли чемодан с гримом. Там всего два дома рядом было. Милые, очаровательные люди. Симпатичные очень. Мы их в массовку приглашали. Но, тем не менее, грим прихватили.

К. ЛАРИНА: Давайте еще звонок, успеем. Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Здравствуйте.

К. ЛАРИНА: Пожалуйста.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА: Вы знаете, мне кажется, я тоже согласна с этой вот выступающей женщиной, что Вы сгущаете краски. За полчаса, которые Вы пробыли в этих деревнях, ничего невозможно узнать. Это первое. У всех у них есть приусадебные участки. Приусадебные участки – это свои овощи. А продавать молоко не обязательно совершенно. Себя можно содержать. Имея корову, имеешь все. И масло, и сметану, и творог и все, что угодно. Зачем им продавать. Вы только что сказали, что они живут в страшной нищете. Пьянство от безысходности. Пьянство там было всегда. А безысходности никакой нет. Крестьянству нужна, действительно, только земля и руки хорошие. И все. Не над так сгущать. Вечно мы прибедняемся.

А. ПРОШКИН: Татьяна, я уважаю Вашу точку зрения, но остаюсь на своей точке зрения. Крестьянству нужно внимание, прежде всего.

К. ЛАРИНА: Что им надо предложить? Земля есть.

А. ПРОШКИН: Нужна специальная программа... Какая у них есть там земля? У них есть отдельные, так сказать, наделы, пай этой земли. Эта земля не используется, как пахотная земля. Она уже превратилась в лес. И эти леса у них выкупают, их эти наделы за копейки.

И эти леса принадлежат частным людям. Таким образом, земли у них уже, как таковой нет, это уже лес. Вот правый берег Волги, он уже почти весь безлесный Левый – лесной. Доведут левый берег до правого. Сведут эти леса, что дальше будет? Не случайно появилась Столыпинская программа, потому что вопрос этот назрел. И вопрос этот стал проблемой государственной, и родилась специальная программа, которая была разработана не только им, но целым рядом людей занимающихся проблемой экономики и земледелия. Сейчас мы говорим о том, что надо поддерживать фермеров. Там фермеры не могут возникнуть. Им не на что возникнуть. А если он и возникает, этот фермер...

К. ЛАРИНА: То его сожгут соседи.

А. ПРОШКИН: Его сожгут соседи. Подниматься могут только все вместе. Одним миром.

<...>